

"Шо, на улице холодно, пойдем внутрь. Мы можем поиграть с вещами, которые нам подарил папа." – Сказала старшая сестренка

"Ни за что! Я хочу подняться!" – Сказал Шо, отбрасывая свою палку-ключку в сторону и направляясь к их игровому сооружению. Там было холодно и немного скользко, но это было веселее, чем сидеть внутри и вести себя очень тихо, чтобы мама и папа могли поспать. Кроме того, у папы было меньше шансов разозлиться, когда они были на улице.

"Мама говорит, что мы не должны подниматься на вершину, пока она не будет здесь, Шо, ты это помнишь?" – сказала старшая сестра. Шо высунул язык и продолжал карабкаться. Это было высоко, их игровая структура, но ему это нравилось. Когда он добрался до вершины, то смог заглянуть через стену во дворы других людей. Ему было интересно, на что похожи их замки. Какими комнатами они не пользовались? Были ли у них также комнаты с кроватями, на которых никто не спал? Комнаты с коробками, полными бумаг с иероглифами, которые он еще не мог прочитать? Книги, полные картинок, которые даже не были цветными? Он не мог заглянуть в их окна, у них были занавески, жалюзи и все такое, но он мог видеть их дворы, и этого должно было быть достаточно, как он полагал. Ему было интересно, что люди думают об их замке. Забирались ли они когда-нибудь высоко, смотрели на это и пытались представить, какой была его семья?

"Я не упаду!" – Сказал Шо

"Спускайся!" – Закричала старшая сестра

"Нет!" – Воскликнул Шо. Это может продолжаться какое-то время. Он обычно выигрывал, когда они играли в "я не такой, ты тоже". Ну, обычно он говорил последним, когда мама заставляла их замолчать.

"Ага, как же, ты ведь и упал в прошлый раз! Помнишь? Когда маме пришлось звонить Фукуде?" – спросила старшая сестра. Конечно, Шо помнил. Ему нравился Фукуда. Фукуда был семейным врачом, но не таким, как тот в больнице, который делал уколы и заставлял есть только леденцы со вкусом цитрусовых. Может быть, если бы он отпустил металлические прутья и позволил себе упасть и пораниться, тогда Фукуда подошел бы и сделал его лучше, и поиграл с ним, и со старшей сестрой, и все такое. Только когда папа был дома, он вёл себя иначе. Он не рассказывал анекдотов, не подбирал их, не играл с ними или что-то в этом роде. Все было по-другому, когда папа был дома. Меньше веселья. Мама водила их не так часто, они даже никогда не ходили в приют для животных или гостиницу для собак, и им приходилось быть очень аккуратными и очень тихими.

Но Шо все еще любил папу.

"Я не собираюсь падать! Ты иди сюда, если так волнуешься!" – Сказал Шо. Старшая сестра не стала бы. Она никогда не забиралась так высоко. В основном потому, что она никогда не носила штанов, но также и потому, что боялась. То, что Шигеко не надела брюки, было оправданием. Он не понимал девушек, почему они носят юбки, платья и все такое, это просто

выглядело неудобно.

"Я хочу, но я слишком напугана. Мама говорит, что мы не должны подниматься так высоко, если ее здесь нет. У тебя будут неприятности." – Сказала старшая сестренка. В этот момент её волосы развевались на ветру под воздействием её сил. Она часто так делала, когда злилась, или грустила, или радовалась, или что-нибудь в этом роде. Шо протянул руку и пощупал свои волосы. Они просто ничего не делали, независимо от того, что он устраивал.

"Держись обеими руками, Шо!" – Крикнула она. Это ее крик заставил его потерять равновесие, не более, и он бы тоже восстановил равновесие, если бы она так сильно не кричала. Но она все еще кричала, а он все еще терял равновесие, его ноги соскользнули, и теперь он висел на одной руке.

"Не падай, Шо! На улице холодно, а земля твердая!" – Сказала старшая сестренка. Шо не нужно было, чтобы она говорила ему, что земля была твердой, он помнил с прошлого раза, когда он упал, и ему не нужно было, чтобы его старшая сестра напоминала ему.

И он совсем не испугался...

Он не боялся упасть и удариться о землю. Такое случалось и раньше, и с ним все было в порядке. Фукуда исправил это и исправит снова, так что не было причин бояться. Шо ничего не боялся. Теперь он был большим мальчиком. Он не испугался и тоже не собирался плакать, когда упадет на землю. Он плакал и раньше, но это было потому, что папы не было рядом. Папа ненавидел плакать, он говорил, что плачут только младенцы и слабаки, а Шо не был ни младенцем, ни слабаком. Он не собирался снова подводить папу.

Он попытался подняться.

Прутья были слишком холодными, и его пальцы немного замерзли. Он был весь холодный. Снега еще не было, мама сказала, что снег пойдет со дня на день, но на улице было довольно холодно. На нем не было ни куртки, ни шапки, ни варежек, ни шарфа. Мама разозлилась бы из-за этого, но он предпочел бы, чтобы мама расстроилась из-за него, а не из-за папы. Мама никогда не наказывала его, во всяком случае, по-настоящему, и она тоже никогда не злилась на него по-настоящему. Мама была такой милой. Если бы он упал и заплакал, она бы совсем не разозлилась на него... но мама не была папой. Мамы не были папами. Папы были не такими милыми, как мамы.

"Просто отпусти, и я поймаю тебя!" - сказала старшая сестра. У Шо болела рука. Он не мог подтянуться, но ... но если он упадет и не сможет удержаться от слез, папа разозлится на него ... а также, возможно, разозлится на него за то, что он вообще упал ... папе никогда не нравилось, когда Шо что-то устраивал. Даже в таких вещах, которые не имели такого большого значения, как подъем и падение, например, чтение и письмо. Папа всегда ненавидел, когда он путал хирагану, которую они изучали в школе, чтобы он не путался так сильно, и кандзи, которые они не должны были изучать, пока не станут старше, а он все время путал...

Папа не любил неудач.

"Нет! Я могу сделать это сам!" – Сказал Шо. Папа терпеть не мог, когда он облажался. Шо не собирался расстраивать папу. Он собирался подтянуться и продолжать карабкаться, пока не доберется до самой вершины, и он собирался сделать все это самостоятельно! Он больше не был ребенком и мог все делать сам! У него было это. Ему просто нужно было не обращать внимания на то, насколько окоченели и замерзли его пальцы, как сильно болела рука и как трудно было даже держаться сейчас...он должен был игнорировать это, быть большим мальчиком, взять себя в руки и заставить папу гордиться им!

Он попытался подняться.

Это было больно.

Другая рука больше не могла его удерживать.

А потом он упал...

Земля быстро приближалась. Возможно, он закричал, совсем немного, когда падал, а затем снова, когда внезапно остановился. Казалось, что что-то удерживало его, но не так, как тогда, когда мама взяла его на руки. Это было так, как будто его поддерживали не руки, а как будто он упал на невидимую стену. Он даже мог видеть вокруг себя что-то вроде мерцающего цвета. Розовый и голубой. Казалось, эта удивительная аура двигалась и перемещалась вокруг него, пока он продолжал парить в воздухе. Он поднял глаза и все еще мог видеть поверх стены. Не над всем замком, а над стеной. Ему было интересно, видит ли его кто-нибудь.

Он надеялся, что они не смогут его увидеть...

Он надеялся, что никто не видит, что он должен попросить старшую сестру спасти его.

"Шигеко! Шо!" – Это была мама. Она выбегала из дома в халате и тапочках. Папа был позади нее, но он лишь спокойно шел. На нем не было всего костюма, только синие брюки и белая рубашка, и для Шо это делало папу ... странным. Он всегда надевал костюм, даже ложась спать, как представлял себе Шо, хотя он никогда не просыпался раньше, чтобы посмотреть, надевает ли папа когда-нибудь пижаму. Папа был меньше похож на самого себя не только потому, что на нем не было всего костюма, но и потому, что он выглядел ... немного счастливым.

"Дочь. Я понятия не имел, что ты можешь поднять что-то такое тяжелое, как человек." – Папа даже казался счастливым. Он даже не смотрел на Шо. Он смотрел на Шигеко. Это было нечестно! Только потому, что она могла делать такие вещи ... только из-за этого папа никогда не наказывал ее! Даже несмотря на то, что мама сказала, что она не должна была использовать свои силы на людях! Даже несмотря на то, что мама сказала, что ей нужно быть милой и никогда, никогда, никогда не использовать свои силы против людей!

По крайней мере, мама не выглядела счастливой.

"Шигеко! Опустить своего брата на землю! Ты хоть представляешь, насколько это опасно?!" - спросила мама. На самом деле она выглядела немного испуганной, хотя Шо не плакал или что-то в этом роде. Она, наверное, подумала, что он заплачет, как ребенок, если упадет на землю. Она, наверное, думала, что он все еще ребенок. Это не его вина, что он был моложе, и это не его вина, что он не мог делать то же самое, что могли делать сестра и папа!

Это была не его вина.

"Но если я отпущу Шо, он упадет. Я не хочу, чтобы Шо упал. Я люблю его", - сказала старшая сестра

"Я ... я тоже люблю его, но ты не можешь просто... Я же говорила тебе не использовать свои силы на других людях! И это включает твоего брата!" - сказала мама

"Масами, не обескураживай девочку. Дочь, это впечатляющая демонстрация самообладания, особенно со стороны человека твоего возраста. Однако твоя мать расстроена, так почему бы тебе не попытаться мягко опустить своего брата. Так осторожно, как только можешь. Я буду здесь, чтобы поймать его, если он упадет." - Папа даже говорил по-другому, когда разговаривал со старшей сестрой.

Он никогда так не разговаривал с Шо.

Он, по крайней мере, сдержал свое слово и поймал Шо, когда старшая сестренка уронила его. Шо знал, что она не хотела бросать его, но он все равно злился. Иногда он злился на нее, а иногда был ее другом. Он не знал, почему он чувствовал себя так, как чувствовал, просто он чувствовал себя так, и не мог не кричать.

И ударил ногой. Но мама подобрала его. Она укачивала его и говорила, что он ее хороший, нежный мальчик. Что она знала, как он, должно быть, был напуган. Эта старшая сестра не хотела его напугать. Что теперь с ним все в порядке. Что она любила его. Все те приятные вещи, которые говорили тебе мамы, когда тебе было больно.

Но он совсем не пострадал...

Но, по крайней мере, мама что-то говорила ему. Она не злилась на него, она не знала, что он занимался тем, что было запрещено, и, по крайней мере, она не собиралась заставлять его делать что-то подобное. Не то чтобы перерыв был настоящим наказанием. Папа назначал настоящие наказания. Папа бы разозлился по-настоящему. Но это было не так. Он не злился на Шо или что-то в этом роде.

Он разговаривал со старшей сестрой.

Он говорил ей, какая она сильная.

Он говорил ей, как гордится ею.

Он рассказывал ей обо всех вещах, которые она сможет делать, когда станет старше.

А вот Шо он не сказал вообще ничего...

<http://tl.rulate.ru/book/72394/2023470>